

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 941-954
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.941

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Don Pre-Revolutionary Authors' Descriptions of the Cossacks of Other Cossack Hosts in Historical Works. Part I

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Houston, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

To this day the topic of how Don pre-revolutionary authors described the Cossacks of other Cossack Hosts hasn't been specifically analyzed. This article undertakes an attempt at such analysis. On the grounds of the most generalizing works of the Don authors on the history of the Don Host it shows that the topic of unity of Cossackdom and historical ties of different Cossack Hosts was absolutely peripheral for Don history-describing. That said, contacts between the Don and the Zaporizhian Cossacks in the 16th–17th centuries were mentioned most often, without, however, being emphasized specifically. Exceptions to that are the works of V.M. Pudavov and E.P. Savel'ev for whom the topic of unity of Cossackdom was important.

In the first part of our article we parse texts of the Don authors written before the 1880s. It shows that originally the works of Don authors lacked any widespread common features whatsoever concerning descriptions of Cossacks of other Cossack Hosts (to the point that A.G. Popov placed Zaporizhian Cossacks on par with Turks and Tatars). However, V.D. Sukhorukov, starting from the 1820s, had set the factual outline of such descriptions for the later authors: starting with his works, they usually accentuated the connections between the Don and the Zaporizhian Cossacks. At the same time, during the aforementioned period authors usually didn't reflect on the term "Cossackdom", with the exception of V.D. Sukhorukov (who believed that the word "Cossack" was used for members of different groups without any commonality) and V.M. Pudavov (who believed that Cossacks are united by their Scythian descentance and the transcendent mission of safeguarding Orthodoxy in the East of Europe).

Keywords: Cossackdom, Don Cossacks, Zaporizhian Cossacks, history-describing, V.D. Sukhorukov, V.M. Pudavov.

1. Введение

Одной из фундаментальных, но до сих пор не только не отрефлексированных, но и фактически не поднимавшихся в историографии проблем, связанных с изучением донского казачества, является проблема разделения донскими казаками других групп людей на «своих» и «чужих». В настоящее время в научной историографии получает распространение понятие «казачеведение», под которым подразумевается изучение любых казачьих групп. Сторонниками подобного подхода выступают такие авторитетные историки, как, например, А.В. Венков (Венков, Матвеева, 2024: 19-24) и А.А. Волвенко (Волвенко, Саркисян, 2024: 126-131). С 2025 г. Южным научным центром Российской академии наук выпускается журнал «Казачеведение».

Безусловно, подобный подход, предполагающий восприятие казачества как целостного феномена, изучаемого в рамках единой дисциплины, имеет право на существование. Однако при изучении текстов, написанных донскими казаками до 1880-х гг., исследователь сталкивается с любопытной тенденцией. В этих текстах другие казачьи сообщества обычно описывались

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исключительно в связи с их контактами с донскими казаками. Единственное обнаруженное нами исключение составляют некоторые работы Н.И. Краснова, в которых современное ему состояние различных казачьих войск описывались как самостоятельная интересная тема (Краснов, 1877: 274-293). Подобный нетипичный подход, скорее всего, объясняется биографией Н.И. Краснова: он занимал должность в имперском Главном управлении казачьих войск Военного министерства и исследовал статистику всех казачьих войск по долгу службы, руководя межевым и статистическим отделением этого управления (Королев, 1991: 235). При этом в творчестве Н.И. Краснова казачество представляло как единство чисто административное, объединенное схожим управленческим и экономическим устройством («поселенные войска» по его терминологии), а не единство историческое, культурное или этническое (Краснов, 1877: 274-293).

В данной статье мы хотим понять, существовало ли у донских дореволюционных авторов какое-либо общее представление о том, как соотносятся донские казаки и другие казачьи группы. Встраивались ли упоминания о других казачьих войсках в представления о казачестве как о некоем значимом единстве, или такого единства в представлениях донских авторов той эпохи не существовало? Считалось ли важным описывать контакты Донского Войска с другими казачьими войсками и что подчеркивалось в подобных описаниях, связи или различие? Ответы на эти вопросы очень важны, чтобы понять: кем были для донских казаков до 1917 г. представители других казачьих войск, «своими», «чужими» или они вообще занимали некое промежуточное положение.

2. Материалы и методы

Ключевым понятием для нашего исследования будет понятие «историописание», которое мы используем вслед за Н.А. Мининковым, применившим его в одном из немногих обобщающих научных текстов о дореволюционных донских казачьих авторах (Мининков, 2010: 266-285). Согласно Н.А. Мининкову, существует «историческая наука» и существует «история как одна из важных отраслей духовной культуры человечества», частью которой, но далеко не единственной, является научная история (Мининков, 2010: 266-285). Соответственно, под историописанием Н.А. Мининков подразумевает «одно из проявлений истории как формы духовной культуры», связанное с созданием письменных текстов (Мининков, 2010: 266-285). Иными словами, к историописанию относятся любые письменные тексты, затрагивающие исторические проблемы, независимо от их научной состоятельности.

В случае с сочинениями по истории донского казачества введение понятия «историописание» является фундаментально важным. Дело в том, что в дореволюционный период в принципе не сложилось научной школы исследования донского казачества. Среди донских авторов до начала XX в. не было профессиональных историков, а российские историки изучали отдельные сюжеты из истории Войска Донского в контексте истории России, но не занимались специально историей донского казачества в целом. Ситуацию хорошо подытожил В.А. Ключевский в одном из своих писем: «Прошлое Земли Войска Донского так богато преданиями, своеобразными особенностями своего быта и культурными задатками, способными к особенному развитию, что отсутствие хорошо обработанной ее истории нельзя не признать прискорбным пробелом русской историографии» (Волвенко, 2006: 119).

Соответственно, если анализировать тексты донских дореволюционных авторов, исходя из критериев анализа научной историографии, подавляющее большинство их работ будет в значительной степени вторичными и не соответствующими стандартам научного исследования. В рамках подобной логики анализа эти работы мало добавляют к научному знанию и их подробный анализ едва ли необходим (показательно, что в единственной монографии, претендующей на анализ всей историографии казачества, ее автор, И.Ю. Юрченко, ограничивается перечислением большинства донских дореволюционных авторов без полноценного анализа их текстов) (Юрченко, 2013: 88-90).

Ситуация, однако, меняется принципиально, если рассматривать сочинения донских дореволюционных авторов не как часть научной историографии, но как часть историописания. В рамках такой логики анализа данные тексты являются важным пластом специфической казачьей культуры, отражающим представления донских казаков о себе и о своем прошлом. Мы можем выявить то, какие факты и оценки этого прошлого устойчиво повторялись в различных текстах, составляя своеобразный канон донской истории, понять, как эти факты и оценки осмысливались и переосмысливались в культурной и общественной жизни Войска Донского, и даже установить основные особенности специфического дискурса донских авторов. Собственно, в своей статье мы как раз попытаемся понять, существовал ли некий канон в описаниях донскими авторами контактов донских казаков с другими казачьими группами и предлагались ли какие-либо концепции его осмысления.

При этом отдельной проблемой для нас стал подбор анализируемых текстов. Дело в том, что количество историописательных работ донских дореволюционных авторов крайне велико и многообразно. Значителен и тематический разброс данных работ. И, разумеется, более или менее неизбежно, что в работах о военных подвигах М.И. Платова (который казаками других войск почти не командовал) или о земской реформе в Области Войска Донского (в других казачьих войсках земств не было) другие казачьи войска не попадали в зону авторского внимания. С другой стороны, донской

атаман М.Г. Власов во время службы на Кавказе командовал черноморскими казаками, в том числе во время известного Калаусского сражения. Поэтому упоминание в его биографии черноморских казаков неизбежно обуславливалось историей его службы.

Исходя из этого, мы сконцентрировали свое внимание на работах, посвященных истории донского казачества/Войска Донского в целом (а также на единственной дореволюционной работе донского автора, посвященной, по крайней мере, формально, истории всего казачества). Эти работы представляются нам наиболее репрезентативными в том отношении, что при их написании авторы, как мы увидим далее, обладали наибольшей нарративной свободой: они могли как придавать существенное значение контактам донского казачества и других казачьих групп, так и вообще почти не упоминать подобные контакты; они могли исходить из существования казачьей нации или отрицать не только этническое, но и историческое единство казачества; наконец, они могли избегать применения специальных понятий и терминов или вводить собственную терминологию. Соответственно, именно в их случае форма подачи информации о контактах донских казаков с другими казачьими группами в наименьшей степени определяется спецификой материала, и в наибольшей – предпочтениями авторов и особенностями дискурса. Мы допустили только одно исключение из этого принципа, для «Исторического сведения Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленного из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» Е.Н. Кательникова, поскольку данный текст является одним из самых ранних дошедших до нас памятников донского историописания и в нем зафиксировано представление автора о основании Черкасска некими «малороссийскими казаками».

Наконец, отметим также то, что мы будем разбирать в своей статье официальные издания Всевеликого Войска Донского, выполненные во время Гражданской войны. Хотя формально они были написаны после революции 1917 г., содержательно они, на наш взгляд, относятся к донскому дореволюционному историописанию и демонстрируют как попытки трансформировать его в изменившихся условиях, так и определенную неудачу этих попыток, результатом чего стали внутренне противоречивые тексты. Таким образом, мы подробно разберем большую часть масштабных работ донских авторов, в той или иной форме содержащих обобщающее описание истории донского казачества, начиная от «Истории о Донском войске» А.Г. Попова (1814–1816 гг.) и до анонимного «Очерка политической истории Всевеликого Войска Донского» (1919 г.).

3. Обсуждение

В современной историографии донского казачества почти отсутствуют обобщающие работы о дореволюционном донском историописании. Чаще всего исследователи рассматривают творчество отдельных авторов. За исключением наших работ, можно отметить упомянутые выше исследования Н.А. Мининкова и И.Ю. Юрченко, а также статью Е.В. Кринко о том, как донские дореволюционные авторы оценивали происхождение казачества (Krinko, 2023: 125-136). В частности, целый ряд статей посвящен творчеству Е.П. Савельева (Стегленко, 2021: 84-89; Стегленко, 2016: 66-69), исследовалось и наследие М.Х. Сениюткина (Шалак, 2023: 5-14). Е.Н. Кательникову посвящена специальная монография Н.А. Мининкова (Мининков, 2011).

4. Результаты

Первая треть XIX в.: Е.Н. Кательников, А.Г. Попов, В.Д. Сухорюков

Представление об общем происхождении казачества возникло еще до того, как появились первые историописательные тексты, созданные самими донскими казаками. Об общем происхождении казаков писал А.И. Ригельман, автор первого труда по истории Донского Войска, ставшего позднее классическим. В этом труде, в написанной в 1778 г. «Истории или повествовании о Донских казаках», А.И. Ригельман позиционировал донских казаков в качестве потомков «Украинских Черкасских Козаков» (Ригельман, 1846: 7), а большую часть других казачьих сообществ (сибирских, яицких, гребенских, некрасовских, терских семейных, волгских и моздокских казаков) считал потомками уже донских казаков (Ригельман, 1846: 138-141). При этом сам А.И. Ригельман признавал, что донские казаки «баснословят» о своем происхождении от «Черкес и Горских народов» – т. е. в их среде представления о происхождении от украинских казаков не были распространены (Ригельман, 1846: 3, 7-8).

Обратившись к дошедшим до нас текстам донской историописательной традиции XIX в., мы не найдем ни сочинений, доказывающих происхождение донских казаков преимущественно от казаков украинских, ни сочинений, доказывающих происхождение донских казаков от народов Кавказа. Судя по всему, на рубеже XVIII–XIX вв. среди образованной части донского общества вообще не было общепринятой версии происхождения казачества, и отдельные авторы в своих предположениях на этот счет могли опираться как на какие-то местные предания, так и на различные книжные версии. В этом отношении показателен случай Е.Н. Кательникова, который в 1810-ые гг., сочиняя историю родной Верхне-Курмоярской станицы, использовал как казачьи народные песни, так и «примечания Болтина на Леклерка» (т. е. книгу И.Н. Болтина «Примечания на историю древнюю и нынешнюю России г. Леклерка») (Кательников, 1886: 1).

Е.Н. Кательников соотносил донское казачество с другими казачьими группами. Его описание соответствующих сюжетов лишено каких-либо подробностей, однако он, по-своему интерпретируя как раз сообщаемые И.Н. Болтиным факты о переселениях различных категорий людей в донской регион, предполагал, что казаки-верховцы (казаки, жившие в верховьях Дона, на севере Земли Войска Донского) могли быть потомками мещерских казаков, срединцы (казаки, жившие по среднему течению Дона, в центральной части Земли Войска Донского) происходили от выходцев из русских городов, включая служилых казаков, а также стрельцов, а низовцы (казаки, жившие в низовьях Дона, на юге Войска Донского) «примечаются происходящими от России Малыя», и в числе их предков были «малороссийские казаки», основавшие Черкасск (Кательников, 1886: 4-5). Таким образом, для Е.Н. Кательникова происхождение донского казачества было связано с другими казачьими группами – однако не ограничивалось этими группами.

В любом случае возникновение казачества Е.Н. Кательников относил ко временам Ивана Грозного и Ермака (Кательников, 1886: 1-5). При описании же более поздних событий у Е.Н. Кательникова не фигурируют даже слободские казаки – хотя не контактировать с ними жители Верхне-Курмоярской станицы не могли хотя бы потому, что до 1715 г. из-за отсутствия священников в войске или жили без венчания, или ездили венчаться в Бахмут (Кательников, 1886: 14), из-за которого донские казаки конфликтовали с изюмскими. Как нам представляется, это связано с тем, что повествование Е.Н. Кательникова очень четко локализовано, и его интересовали только те группы населения и личности прошлого, которые оказывали непосредственное влияние на Верхне-Курмоярскую станицу в тот период времени, о котором еще помнили ее жители в начале XIX в. Соответственно, в тексте Е.Н. Кательникова присутствуют татары, черкесы и калмыки, совершавшие набеги на территории донских казаков в XVIII в. (Кательников, 1886: 26-31), а вот мещерским казакам и «малороссийским казакам» находится место только в качестве легендарных предков.

Несколько ближе к нарративу А.И. Ригельмана при описании интересующих нас сюжетов был А.Г. Попов, в те же 1810-е гг. сочинивший двухтомную «Историю о Донском войске». Он рассматривал ряд казачьих групп в качестве потомков донских казаков, однако при этом очень скупой писал об их происхождении и вообще не касался контактов этих групп с донскими казаками после обретения самостоятельности. Вообще сведений о не донских казаках А.Г. Попов сообщал крайне мало. Так, о сибирских казаках он неопределенно писал, что «образование Сибирских казаков» связано с совершенным «Ермаком завоеванием Сибири Донскими казаками, там от него оставшимися» (Попов, 1816: 1). Деяния сибирских казаков назывались «ироическими», но описывались буквально на одной странице (за исключением более подробно рассмотренных географических открытий С.И. Дежнева), а для их характеристики приводился отрывок из стихотворения И.И. Дмитриева о Ермаке (Попов, 1816: 1-3). О уральских казаках кратко (снова на одной странице) сообщалось, что они откололись от Донского Войска в конце XVI в. под влиянием походов Ермака и до 1708 г. даже подчинялись Войску Донскому – но никаких подробностей этого не указывалось, зато на нескольких страницах подробно описывалась имевшая только косвенное отношение к истории казачества экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву (Попов, 1816: 4-10). Наконец, о гребенских и терских казаках А.Г. Попов очень кратко (снова на одной странице) сообщал, что они возникли из донских казаков, служивших Ивану Грозному и поселившихся на Кавказе (Попов, 1816: 11). Таким образом, А.Г. Попов, подобно А.И. Ригельману, признавал, что часть казачьих групп произошла от донских казаков – но список подобных групп у него был куда короче. Кроме того, А.Г. Попов, подобно Е.Н. Кательникову, относил подобные сюжеты о связи донских казаков с другими казачьими войсками к глубокому прошлому, к XVI в. (за исключением Уральского войска, с которым некая связь сохранялась до 1708 г.).

Кроме того, А.Г. Попов при описании истории Войска Донского упоминал «малороссийских» и запорожских казаков. Однако в его тексте «Малороссия» появляется только с середины XVII в., причем внезапно и без каких-либо пояснений оказывается, что на ее территории тоже есть казачьи войска. Вот как выглядит соответствующее место: «Гетман козачьих Малороссийских и Запорожских войск Богдан Хмельницкий за насилие поляков и за притеснение ими исповедуемой веры отправил к Государю в 1653 году посольство с прошением о принятии его со всей землей и войском в 60 тыс. человек, яко единоверных, в свое подданство» (Попов, 1816: 98). Вопросы о том, как соотносятся донские казаки с «Малороссийским и Запорожским войсками», А.Г. Попов не поднимал.

Почти не писал он и о каких-либо контактах между этими казачьими группами. Единственным эпизодом донской истории, для которого было важным влияние запорожских казаков, в нарративе А.Г. Попова оказывалось Булавинское восстание (впрочем, здесь нужно отметить, что «История о Донском войске» завершается описанием этого события и в ней не описана большая часть XVIII в.). Само это восстание якобы было спровоцировано уже замыслившим измену «Мазепой, Гетманом Малороссийских и Запорожских войск» (Попов, 1816: 267-268). А.Г. Попов даже приводил некоторые любопытные подробности о контактах И.С. Мазепы и К.А. Булавина, происхождение которых, к сожалению, едва ли возможно установить (разумеется, в научной историографии сведений о подобных контактах нет). И.С. Мазепа и «Кондрат Буловин» (именно такое написание в источнике) якобы познакомились в 1706 г. во время военных действий под Азовом, а в 1707 г. «Буловин

обольщенный Мазепой» взбунтовал донских казаков, надеясь на помощь «Турок, Татар и Запорожцев», с которыми он рассчитывал затем воевать против России и Речи Посполитой (Попов, 1816: 268). И важной опорой «Буловина», по мнению А.Г. Попова, были именно запорожские казаки. «Буловин» отправил по всем станицам письмо, в котором призывал «стать купно с Запорожскими козаками и Белгородской ордой» против «разврата злых Бояр и Немцов» (Попов, 1816: 269-270); в войске «Буловина», выступившем против верных Империи казаков, было «три тысячи Запорожцев» (Попов, 1816: 273); наконец, когда «Буловин» захватил Черкасск, он «Запорожцев при себе имел» (как и «Татар», причем с последними «Буловин» якобы еще вел переписку, чтобы объединить силы) (Попов, 1816: 279).

Следовательно, у А.Г. Попова мы видим крайне любопытную и не имеющую аналогов в позднейшем донском историописании интерпретацию роли запорожских казаков в истории Войска Донского. Запорожцы оказывают значительное влияние на эту историю всего один раз, выступая однозначно негативной силой: они фигурируют в одном ряду с турками и татарами, являясь опорой Булавинского восстания, которое А.Г. Попов описывал исключительно как акт измены казаков своему законному государю (возможно, сказывалось и то, что восставшими был казнен прапрадед А.Г. Попова) (Попов, 1816: 276).

Только в «Историческом описании Земли Войска Донского», выполненном в 1820-ые гг. под руководством В.Д. Сухорукова, донским автором впервые были системно описаны другие группы казаков. При этом В.Д. Сухоруков фактически только перечислял известные в то время науке факты, не пытаясь подогнать их под какую-либо теорию. Он отмечал, что известно о существовании неких «казаков» в Крымском, Казанском и Астраханском ханствах с рубежа XV–XVI вв.; при этом само слово «казак» древнее, и, по некоторым утверждениям, означает на монгольском языке «пограничного стража и вообще военного человека»; однако на практике в XVI в. оно означало «отважного наездника, живущего набегами и войной, не привязанного к земле и домовитости» (Сухоруков, 1867: 4-5). Далее В.Д. Сухоруков констатировал, что «наши казаки» (т. е., видимо, связанные с историей восточного славянства, а не мусульманского мира) известны с XV в., и описывал историю происхождения различных казачьих сообществ (Сухоруков, 1867: 5). Хотя прямо об этом он не писал, из этого перечисления становилось ясно, что казаки не имели общего происхождения: «казаками» называли общины с самыми разными предками и статусом, однако подходящие под определение «отважных наездников, живущих набегами и войной, не привязанных к земле и домовитости». Так, «днепровских казаков» В.Д. Сухоруков называл самыми древними, возводил их историю к XII в. и считал потомками поселившихся в Киевском княжестве «Торков, Печенегов и Берендеев» (Сухоруков, 1867: 7). О мещерских казаках В.Д. Сухоруков писал, что они «суть породой Монголы», а начало их истории датировал не ранее XIV в. (хотя и признавал, что «казаками» они именовались с XV в.) (Сухоруков, 1867: 6-7). Другие «казаки» учреждались московскими властями наряду со стрельцами или пушкарями (Сухоруков, 1867: 6). В.Д. Сухоруков даже отмечал, что до середины XVI в. «донскими казаками» иногда именовалась группа казаков, не имевшая к позднейшим донским казакам никакого отношения: «городецкие» (т. е. городские, служащие при пограничных городах Московского государства) казаки, локализованные в верховьях Дона (Сухоруков, 1867: 10). Собственно же донские казаки, по мнению В.Д. Сухорукова, не имели на начальной стадии своей истории ничего общего со всеми вышеописанными казаками (за исключением того, что тоже попадали под определение слова «казак»): это были «беглые разных Российских, а наиболее из украинских (здесь окраинных – А.П.) городов», сбежавшие на Дон от притеснений или для занятий грабежом (Сухоруков, 1867: 12-13).

В донском дореволюционном обществе В.Д. Сухоруков имел репутацию бесспорного классика местного историописания. «Ни раньше, ни позднее его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей никогда не пользовался на своей родине славой Сухорукова», – писал на этот счет в конце XIX в. другой выдающийся донской автор, Н.И. Краснов (Королев, 1991: 241-242). И нам важно понимать, что в важнейшем труде В.Д. Сухорукова, «Историческом описании Земли Войска Донского», был фактически обоснован как раз тот характерный для донских авторов XIX в. феномен, о котором мы писали в начале нашей статьи. Согласно В.Д. Сухорукову, никакого казачества вообще как сколько-либо единой общности не существовало – просто слово «казак» применялось для обозначения самых разных воинских сообществ, между которыми могло не быть вообще никакой связи – ни в происхождении, ни в образе жизни, ни даже в религии.

В то же время отдельные казачьи сообщества могли находиться между собой в тех или иных связях. Так, В.Д. Сухоруков считал, что некоторые казачьи группы произошли от донских казаков, но число этих групп у него было меньше, чем у А.Г. Попова, не говоря уже о А.И. Ригельмане: речь шла только о уральских и терских казаках, которые выделились из состава донского казачества еще в XVI в. (Сухоруков, 1867: 52-54). Однако, несмотря на подобное происхождение уральских и терских казаков, на страницах «Исторического описания Земли Войска Донского» они почти не появляются.

Напротив, запорожские казаки, хотя и не были связаны, согласно В.Д. Сухорукову, общностью происхождения с казаками донскими, в его нарративе выступали ближайшими союзниками и в прямом смысле слова соратниками Донского Войска. В.Д. Сухоруков даже не смог полноценно

датировать момента возникновения союза этих двух казачьих групп. Он отмечал, что в 1588 г. запорожцы «в знатном числе» пришли к Дону, вероятно, желая переселиться на него, а весной 1589 г., вероятно, именно эти запорожцы вместе с донскими казаками разграбили посад Азова, захватив 300 человек (Сухоруков, 1867: 68-69). Однако и до этого запорожцы приходили на Дон «небольшими партиями человек по 20 и по 30», причем, что важно, В.Д. Сухоруков описывал их пребывание на Дону так: «принимаемы были здесь братски и наравне с Донцами делили опасности и добычи» (Сухоруков, 1867: 68). В дальнейшем, согласно В.Д. Сухорукову, «связи Донских казаков с Запорожцами более и более утверждались», но не на основе общности происхождения, а из-за ситуационных союзов против России (во время мятежей), Турции и Крымского ханства (во время набегов) (Сухоруков, 1867: 124).

В результате в «Историческом описании Земли Войска Донского» в течение всего XVII в. Запорожское войско выступает главным союзником Войска Донского, а их отношения с Россией и Речью Посполитой сложны. В этом отношении наиболее показательно описание В.Д. Сухоруковым событий 1621–1622 гг. В 1621 г., во время нахождения в Донском Войске представителя московского царя, привезшего жалование, явились послы от «запорожского гетмана Бородавка», предложившие донским казакам поучаствовать в походе польской армии против турок (Сухоруков, 1867: 157-158). Послам отказали, сославшись на то, что большая часть донских казаков ушла в морской поход, но, как только представитель московского царя отбыл с Дона, 200 человек отправились присоединиться к запорожцам (Сухоруков, 1867: 158). А весной следующего 1622 г. целые «ватаги» запорожцев, численностью до 50 человек, бежали на Дон из-за «несогласий в Польше», хотя московские власти прислали грамоту, запрещающую принимать их (Сухоруков, 1867: 159). При этом московской власти донские казаки не доверяли, опасаясь, что их «соединенными силами» выбьют с Дона (место не вполне ясно – имеются в виду то ли соединенные силы Турции и Москвы, то ли соединенные силы Турции и Персии, которым Москва не будет мешать) (Сухоруков, 1867: 157). Наконец, возможно, самый известный подвиг донских казаков XVII в., Азовское сидение, интерпретируется В.Д. Сухоруковым как совершенный с участием запорожских казаков: «Запорожцы поклялись встать заодно с Донскими казаками противу неверных» (Сухоруков, 1867: 266).

Это не значит, что в нарративе В.Д. Сухорукова между донскими и запорожскими казаками не было конфликтов, однако обычно они так или иначе разрешались без кровопролития. Например, в 1650 г. Донское Войско вообще готовилось обороняться от нападения Крымского ханства и выступавшего его союзником Богдана Хмельницкого, однако крымский хан не смог выступить из-за «выгоревших степей», а запорожцы, которыми руководил Тимофей Хмельницкий, две недели стояли на Миусе, утверждая, будто бы они правды должны соединиться с ханом, но для действий против черкес, а не донских казаков – а потом ушли (Сухоруков, 1872: 316-317).

Более того, фактически «Историческое описание Земли Войска Донского» подразумевало и кровную связь донских казаков с запорожскими – но связь, сложившуюся уже во время существования донского казачества, когда в его состав, как видно из приведенных выше цитат, многократно вливались запорожские «ватаги».

К сожалению, «Историческое описание» было доведено только до начала XVIII в., и поэтому не ясно, как В.Д. Сухоруков описал бы взаимодействие донских и запорожских казаков в этом столетии. Во всяком случае, во втором своем крупном труде, «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–1832 годах», В.Д. Сухоруков писал о «важнейшем умножении» населения Земли Войска Донского в конце XVIII в., произошедшем «от малороссиян, по различным обстоятельствам заходившим сюда великими толпами» (Сухоруков, 1891: 90). В числе этих «малороссиян» он выделяет и «малороссийских казаков» – хотя не ясно, как они соотносятся с запорожскими (т. е. относил ли В.Д. Сухоруков запорожских казаков к «малороссийским» или считал их отдельной группой) (Сухоруков, 1891: 90).

Соответственно, согласно В.Д. Сухорукову, запорожские казаки и малороссийские казаки в течение XVI–XVIII вв. были важнейшей частью истории собственно Войска Донского. И снова мы должны отметить его влияние на позднейшее донское историописание: как мы увидим далее, после него представление о наиболее тесной связи донских казаков именно с запорожскими/«малороссийскими» казаками становится общепринятым для донских авторов, хотя еще для А.Г. Попова запорожцы по сути представляли «чужими», подобно туркам и татарам.

Нам же остается констатировать, что немногочисленные историописательные тексты донских казаков первой трети XIX в. в вопросе о связях донского казачества с другими группами казаков плохо согласуются между собой. При этом у Е.Н. Кательникова и А.Г. Попова еще и просто отсутствуют какие-либо рассуждения о казачестве вообще, и поэтому невозможно реконструировать ту систему, частью которой были их отдельные утверждения о не донских казачьих группах. Всеми разобранными нами авторами безусловно признавалась возможность происхождения одних казачьих групп от других, однако участие донских казаков в подобных процессах относилось к глубокому прошлому, обычно к XVI в., и о каких-либо дальнейших связях донских казаков с предковыми/потомковыми казачьими группами почти не упоминалось. Зато В.Д. Сухоруков наглядно показал (почти все его утверждения, которые мы приводили выше, подтверждены

ссылками на конкретные архивные дела или научную литературу), что в XVI–XVII вв. донское казачество было теснейшим образом связано с запорожским, в том числе и кровно, однако он выводил это родство не из общности происхождения, а из длительного союза, основанного на общности интересов.

Вторая треть XIX в.: В.М. Пудавов, М.Х. Сеноткин, Н.И. Краснов, А.М. Савельев

Единственным донским автором XIX в., писавшим после В.Д. Сухорукова, но не разделявшим его общих представлений об истории казачества, был В.М. Пудавов, чье творчество приходится на 1840–1860-ые гг. В.М. Пудавов пытался выработать собственную концепцию мировой истории, совершенно оригинальную и религиозно-мистическую, при декларируемом христианстве предполагающую культ девы Тавити (т. е. скифской богини Табити) как покровительницы Восточной Европы (Пудавов, 1890: 1). Поэтому его представления о казачьих сообществах были крайне нетипичны для светского и рационального XIX в.

Подобно В.Д. Сухорукову, В.М. Пудавов исходил из того, что у слова «казак» есть совершенно четкое значение. Основываясь на псевдолингвистических построениях, он выводил слова «казак» и якобы предшествовавшее ему «хозарин» из «армяно-персидского наречия» и утверждал, что «казак» – значит «славянин белый» и «воин вольного союза» (Пудавов, 1890: 75-78). Исходя из этого, В.М. Пудавов считал, будто бы слово «казак» происходит из «русского мира» и означает «южных сынов его – славян» (Пудавов, 1890: 78). Он постулировал, что причерноморские степи были заселены славянами издавна (славянами он считал еще скифов), а казаки – это потомки именно этой группы славян (Пудавов, 1890: 87-90).

На первый взгляд может показаться, что В.М. Пудавов считал всю совокупность казаков этнической группой, объединенной общностью происхождения. Это одновременно верно и глубоко ошибочно. Хотя совокупность казаков в нарративе В.М. Пудавова действительно обладает многими чертами, которые позднее стали рассматриваться как характерные для этнических групп, сам донской автор недвусмысленно позиционировал казаков как «сословность» (Пудавов, 1890: 90). Однако «сословность» В.М. Пудавова совершенно не соответствует понятию «сословия» научного дискурса – это историко-мистическое объединение, обладающее «великим призванием», выражающимся в «сдержании на Востоке Европы равновесия», в защите православной веры от «латинства и исламизма» (Пудавов, 1890: 90).

Все эти особенности терминологии и мировоззрения В.М. Пудавова абсолютно необходимы, чтобы понять его мысли о взаимодействии «двух казацких метрополий – Днепровской и Донской» (Пудавов, 1890: 157). В его представлении, в XV–XVI в. существовали «Московская Русь» и «Литовская Русь», разьединенные политически, но объединенные верой и языком (Пудавов, 1890: 155). И первыми идею политического объединения Руси реализовали именно казаки, сумевшие создать единую «сословность» вопреки государственным отношениям «Москвы и Кракова» (Пудавов, 1890: 155). По мнению В.М. Пудавова, «казацкие товариства» выходили на территорию Дикого Поля со второй половины XV в. из Литвы и Московии независимо друг от друга, однако «братались тут как дети одной веры и одной матери русской земли» (Пудавов, 1890: 155). В итоге В.М. Пудавов использовал не встречающиеся больше ни у кого термины «западное казачество» (очевидно, понимая под ним казаков «Литовской Руси») и «восточное казачество» (понимая под ним казаков «Московской Руси»), но подчеркивал, что эти казацкие группы были объединены «общей сословной связью» (Пудавов, 1890: 155-156).

В.М. Пудавов позиционировал «Днепровское и Донское казачество» еще и как «последнее преемничество» древних скифов (Пудавов, 1890: 181). И снова речь идет не только о происхождении – но и, едва ли не в первую очередь, о конструируемой В.М. Пудавовым духовной связи казачества и скифства. Так, изначальное безбрачие казачьих сообществ он связывал со скифским «девопочитанием» (т. е. почитанием девы Тавити); любовь казаков к алкоголю соотносил с зафиксированной античными авторами любовью скифов к алкоголю; а саму первоначальную печать Войска Донского, «еленя (оленья) со стрелой» рассматривал как символ Дианы (Пудавов, 1890: 181-182) (в другом месте он ставил знак равенства между Дианой и девой Тавити (Пудавов, 1890: 21)).

К сожалению, до нас дошла только часть текста В.М. Пудавова, описывающая историю Войска Донского до 1620-ых гг. В этой части контакты донских и запорожских казаков описаны как очень тесные (пожалуй, даже более тесные, чем в «Историческом описании Земли войска Донского» В.Д. Сухорукова), но при этом значительно усилены антипольские сюжеты. В этом плане показательным, что В.М. Пудавов написал о тех событиях 1621–1622 гг., описание которых В.Д. Сухоруковым мы приводили выше. Вообще, судя по явному сходству текстов, В.М. Пудавов опирался на «Историческое описание Земли войска Донского» вплоть до заимствования отдельных словосочетаний и оборотов: так, у В.М. Пудавова запорожцы предлагают донским казакам «стать вместе под знамена короля польского, против общего врага турецкого султана» (Пудавов, 1898: 76), а в «Историческом описании» они предлагают «идти под знамена короля польского против общего врага султана турецкого» (Сухоруков 1867: 158). Но акценты у него смещены. Если у В.Д. Сухорукова, как мы видели выше, в 1621 г., получив предложение от запорожцев вместе воевать в составе польского войска против турок, донские казаки отвечают формальным отказом, но фактически

200 человек уходит с Дона на соединение с запорожцами, то В.М. Пудавов пишет про донских казаков, будто бы «польскому королю они никогда не служили и не могли служить ни за какие деньги и ни по каким убеждениям», и, разумеется, не упоминает о уходе 200 человек с Дона (Пудавов, 1898: 76-77). Зато он прямо связывает мягкий отказ донских казаков, указавших запорожским послан на то, что большая часть донцов находится в морском походе, а не отказавших им прямо, с тем, что донские казаки хотели «нераздружиться» с запорожцами (Пудавов, 1898: 77). Бегство запорожцев на Дон в 1622 г. В.М. Пудавов объясняет «гонением униатским» и полагает, что самые крупные группы беглецов состояли даже не из 50 человек (как, напомним, писал В.Д. Сухоруков), а из 500 человек (Пудавов, 1898: 79).

В.М. Пудавов, подобно В.Д. Сухорукову, считал яицких (уральских) и терских казаков потомками донских – но при этом представлял связи этих казачьих групп как куда более тесные. В его нарративе Донское Войско и волжские казаки прямо позиционируются как «метрополии» данных казачьих сообществ, а они выступают в качестве «колоний» (Пудавов, 1890: 209, 216-217). Яицкие казаки, позднее переименованные в уральских, по мнению В.М. Пудавова, возникли в конце XVI в. и следующие 150 лет, несмотря на самостоятельное существование, сохраняли «к Дону, как бы к метрополии, свое уважение и почеть» (Пудавов, 1890: 209). Отношение к донским казакам терского казачества, тоже возникшего в конце XVI в., В.М. Пудавов описывает схожими словами: союз терских казаков «при самобытном существовании тоже более ста лет сохранял к Дону, как к метрополии своей, уважение и почет, слушаясь призывов его» (Пудавов, 1890: 217).

Таким образом, В.М. Пудавов не просто описал отдельные контакты донских казаков с другими казачьими сообществами, но и предложил цельную и непротиворечивую концепцию того, чем является казачество в целом. Однако у этой концепции было два неустранимых недостатка. Во-первых, к моменту ее создания куда более уважаемый в среде донских казаков автор, В.Д. Сухоруков, обосновал позицию, согласно которой никакого казачества как целостного феномена вообще не существовало и «казаками» исторически называли разные и никак не связанные между собой сообщества. Во-вторых, В.М. Пудавов не просто вольно обходился с фактами (как нам представляется, это могли понять далеко не все его читатели-казаки) – он использовал в своих исследованиях крайне специфический и оригинальный терминологический аппарат, рассматривая казачество, именуемое «сословностью», не как сословие в общепринятом значении этого слова, а как трансцендентное сообщество, объединенное единством происхождения и общей миссией. В результате созданная В.М. Пудавовым схема связей внутри единого казачества (происходящие от скифов казачьи метрополии, донская, днепровская и, вероятно, волжская, от которых отпочковались все прочие казачьи войска в качестве сохраняющих связь с метрополиями колоний) оказалась своеобразным историописательным курьезом, не нашедшим развития у других авторов.

Труд В.М. Пудавова был анахронизмом для донского историописания еще и в том отношении, что после него до начала XX в. не было предпринято ни одной сколько-либо успешной попытки написать фундаментальную и обобщающую историю Войска Донского (в начале XX в., как мы увидим далее, Е.П. Савельев попытается написать даже более обширный труд, историю всего казачества). Вплоть до 1910-ых гг. донские авторы ограничивались популярными работами, разного рода краткими изложениями истории Войска Донского или заметками историософского плана о том, как должна будет выглядеть новая фундаментальная и обобщающая история донского казачества, которую, однако, предстояло написать кому-то другому.

В этом отношении очень характерно наследие М.Х. Сенюткина. Это донской автор писал о себе, что, получив в 1850-ые гг. доступ к войсковому архиву в качестве редактора «Донских войсковых ведомостей», он захотел написать историю Войска Донского конца XVIII-первой половины XIX в. (Сенюткин, 1866а: Б. с.). Однако, очевидно, стремясь к подробному описанию прошлого, за 4 года М.Х. Сенюткин смог только частично описать военные действия донских казаков в течение десятилетия (судя по содержанию его работ – 1770-ых гг.), после чего у него началась глазная болезнь, а затем большую часть материалов уничтожил пожар в архиве (Сенюткин, 1866а: Б. с.).

Тем не менее, М.Х. Сенюткин попытался предложить свою обобщенную версию всей истории донских казаков в работе под характерным названием «Взгляд на историю Войска Донского». Сам формат подобной работы не предполагал системного и последовательного изложения. И какой-либо концепции того, чем является казачество вообще, М.Х. Сенюткин не предложил – а вот о других казачьих группах, кроме донских казаков, неоднократно писал.

Подробнее всего М.Х. Сенюткин писал о казачестве «Малороссии». По сравнению с предыдущими донскими авторами он совершенно иначе расставил акценты, обратив внимание прежде всего не на какое-либо родство донских и малороссийских казаков и даже не на их исторические контакты, а на то, что история Войска Донского имеет «большое сходство с историей Малороссии» (Сенюткин, 1866b: 161). Сходство же это он выводил из того, что у донских и малороссийских казаков была общая цель, «борьба с неверными» (Сенюткин, 1866b: 162). М.Х. Сенюткин считал схожими для Дона и Малороссии «характер их героев» и «свойства их исторических событий», выделяя в числе таковых сходств, например, «мужество в опасностях», «преданность к православной вере» и «любовь к отечеству» (Сенюткин, 1866b: 162). При этом он

полагал, что история Войска Донского даже более богата и разнообразна, а донские казаки были более искусны в своих войнах (Сенюткин, 1866b: 162). Только после этого он писал и о общем происхождении донских и запорожских казаков – М.Х. Сенюткин считал их новгородцами, потомками «варяго-русов», чьи предки переселились в регион в XIV в. (Сенюткин, 1866b: 171). Что же касается казачьих групп, являвшихся потомками донских казаков, то М.Х. Сенюткин кратко упоминал только «Терское или Гребенское войско» (Сенюткин, 1866b: 173).

А вот о каких-либо значимых контактах даже между донскими и запорожскими казаками, не говоря уже о других казачьих группах, М.Х. Сенюткин не упоминал. Здесь нам представляется показательнее всего описание им Азовского сидения. Как мы помним, В.Д. Сухоруков прямо утверждал, что в нем принимали участие запорожские казаки. М.Х. Сенюткин описывал Азовское сидение на нескольких страницах, однако запорожцы там не фигурировали, а защитники Азова были позиционированы так: «Донцы (в числе 6 тыс. человек, где было 800 жен)» (Сенюткин, 1866b: 178).

Как нам кажется, подобное представление о связях донского казачества с другими казачьими группами оказывается ближе всего к модели, некогда возникшей у Е.Н. Кательникова. В рамках этой модели связи донских казаков с другими казачьими сообществами не отрицались, но оказывались достаточно мало важным сюжетом, к тому же, относящимся преимущественно к самой ранней истории казачества. Большая же часть истории Донского Войска описывалась как не связанная с другими казачьими сообществами. Однако М.Х. Сенюткин, в отличие от Е.Н. Кательникова, акцентировал внимание на сходстве донских казаков и казаков «Малороссии» – вероятно, потому, что после В.Д. Сухорукова представления о некоей форме исторической близости донцов и запорожцев прочно вошло в донское историописание.

Н.И. Краснов в 1860-е гг. изначально писал не полноценную историю Войска Донского, но ограниченный по объему исторический раздел для военно-статистического описания. На практике это привело к созданию достаточно специфического текста, с одной стороны, компактного, четко структурированного и не содержащего спорных мест – а с другой стороны, не только не содержащего концепции того, чем является казачество вообще, но и терминологически очень запутанного.

Н.И. Краснов позиционировал «казаков Запорожских и Донских» как «народ», «положивший себе целью вечную борьбу с мусульманами» (Краснов, 1863: 9). К сожалению, совершенно не ясно, что Н.И. Краснов подразумевал здесь под «народом». В его тексте казачество нигде полноценно не позиционируется в качестве нации. Но еще важнее тот факт, что отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов, в 1862 г. опубликовал известнейшую статью «О народности в Донском войске», в которой призывал бороться с неназываемыми людьми, якобы желавшими создать из донских казаков «народность искусственную» (Краснов, 1862: 343-356). При этом, согласно крупнейшему современному исследователю донского казачества XIX в. А.А. Волвенко, И.И. Краснов и Н.И. Краснов были близки в своем творчестве (Volvenko, 2015: 100). Соответственно, в данном случае слово «народ» никак не обозначает особый этнос, но скорее используется в смысле некоей неопределенной общности. Ситуацию дополнительно осложняет тот факт, что далее Н.И. Краснов недвусмысленно утверждал: истории донских и запорожских казаков следует писать отдельно друг от друга, поскольку история первых «тесно связана с историей Малороссии», а история вторых представляет собой «отдельный эпизод из истории Московского государства» (Краснов, 1863: 9). Что касается кровной связи донских и запорожских казаков, то тут Н.И. Краснов в полной мере следовал предложенному В.Д. Сухорукову варианту, выводя донских казаков изначально из «России», но добавляя, что в дальнейшем в их состав влились «выходцы из других земель, в особенности Малороссияне и Запорожцы» (Краснов, 1863: 10). Наконец, хотя Н.И. Краснов не описывал подробно всех случаев взаимодействия донских казаков с запорожцами в XVII в., он признавал, что во время Азовского сидения «с Донцами соединились и запорожцы, часто приходившие погулять на Дон» (Краснов, 1863: 27).

Таким образом, для Н.И. Краснова наиболее тесно связанной с донскими казаками казачьей группой оказываются запорожцы. Более того, для него связь донского казачества с «малороссийскими казаками» не ограничивалась XVII в. Вслед за В.Д. Сухоруковым он отмечал, что в числе пришельцев на Дон в конце XVIII в. значительную часть составляли «малороссийские казаки» (Краснов, 1863: 193). Наконец – уникальный случай для донского историописания – Н.И. Краснов подчеркивал, что и современные ему донские крестьяне были потомками людей, «носивших иногда славное имя малороссийских и запорожских казаков», и поэтому при обсуждении реформ Войска Донского местным казачьим деятелям следовало принимать во внимание и их интересы (Краснов, 1863: 232).

К сожалению, едва ли возможно однозначно понять, как Н.И. Краснов соотносил донских, волжских, яицких и терских казаков. Соответствующее место его текста выглядит так: «Русские бежали на Дон толпами, так, что число их быстро умножилось, и они уже не ограничивались поселениями на Дону, а искали новых мест на Волге, Яике и Кавказе» (Краснов, 1863: 14). Эта фраза может обозначать как то, что поселения на Волге Яике и Кавказе основывали донские казаки, которым не хватало места в донском регионе, так и то, что русские беглецы сразу бежали в эти места, чтобы стать казаками. В любом случае, по уже привычной нам схеме, после XVI в. эти казачьи сообщества в тексте Н.И. Краснова уже почти не появляются.

В те же 1860-е гг. А.М. Савельев подготовил сборник очерков к трехсотлетию Войска Донского. Он уже совершенно прямо указывал во вводной части к своей книге: «Я обращал внимание только на те события, которые происходили на территории Войска Донского, слегка касаясь военных действий казаков за пределами войска» (Савельев, 1870: V). В результате проблематика, связанная с другими казачьими группами, затрагивалась А.М. Савельевым слабо – да и вообще его работа в значительной степени представляла собой компиляцию архивных и литературных источников, в которой авторские выводы из них делались далеко не всегда. В этом отношении характерно, что А.М. Савельев, пересказывая ранние источники о донском казачестве, относящиеся к XVI в., не делал вообще никакого вывода из них о важнейшем для донского историописания вопросе, вопросе о происхождении донских казаков.

В результате в тексте А.М. Савельева проскальзывают факты, из которых читатель может понять о существовании тесных контактов донских казаков и запорожцев. Например, А.М. Савельев описал инструкции, данные московскими властями отправленному на Дон в 1623 г. князю Белосельскому, от которого требовали узнать «сколько у них живет на Дону запорожских черкас» и, если запорожцев окажется много, требовать от донских казаков прекратить контакты с ними, «потому что от запорожских черкас Российскому государству бывает большое разорение» (Савельев, 1870: 15). Донские казаки во время контактов с князем признали, что в прошлом году к ним пришло 200 запорожцев, и, кроме того, «есть еще в небольшом числе черкасы, которые живут у казаков давно» (Савельев, 1870: 15). Однако сам А.М. Савельев в авторском тексте эти контакты донских и запорожских казаков никак не прокомментировал и даже не поставил вопроса о том, насколько правдива была та информация, которую сообщили донские казаки князю Белосельскому о численности запорожцев в Донском Войске, хотя далее указывал, что в других вопросах казаки обманули князя (Савельев, 1870: 15). Об участии запорожцев в важнейшем событии донской истории, Азовском сидении, А.М. Савельев не сообщал (Савельев, 1870: 21-26) – зато кратко писал, что К. Булавин действовал при «взаимной помощи» с запорожцами (впрочем, участие последних в Булавинском восстании не приобрело в его нарративе такого значения, как у А.Г. Попова) (Савельев, 1870: 57).

Для темы нашего исследования еще важно, что в посвящении своей книги цесаревичу (будущему императору Александру III) А.М. Савельев именовал войсковой круг донских казаков «центром не только Донского, но и всего Великоорусского казачества» (Савельев, 1870: III). Далее он упоминал в качестве «собратьев» донских казаков «Волжских, Терских, Гребенских и Яицких казаков», но не запорожцев (Савельев, 1870: III). Соответственно, вероятно, для А.М. Савельева казачество делилось на великорусское и малороссийское, и ближе к донским казакам были не запорожцы, а волжцы, терцы, гребенцы и яицкие казаки. Тем не менее, на страницах книги А.М. Савельева эти группы казаков вообще почти не появляются: нет даже традиционного для предыдущих авторов сюжета о том, что в XVI в. с участием донских казаков возникли Уральское и Терское войска. Правда, у А.М. Савельева, описавшего историю Войска Донского в XVIII в., заметное место уделено происходившему в это время переселению донских казаков на Волгу, Кубань и Терек – однако это связано только с тем, что донской автор очень подробно описывал выступления донских казаков против подобных переселений, вовсе не касаясь их жизни на новом месте (Савельев, 1870: 97-102). В итоге в нарративе А.М. Савельева другие группы казаков, кроме донских, вообще не играют никакой роли, упоминаются крайне редко, и эти упоминания, за исключением посвящения, носят сугубо фактический, без всяких выводов характер.

Все описанное выше позволяет нам прийти к достаточно любопытным выводам. Историописательные тексты донских казаков середины XIX в. обычно не содержат никакой единой концепции казачества в целом. Это связано в первую очередь с общепринятой в то время у донских авторов логикой повествования, в рамках которой внимание в тексте настолько концентрировалось на Донском Войске, что вопрос о более масштабной общности всех казаков просто не поднимался (мы видели, что и в более ранний период такая логика встречалась, например, у Е.Н. Кательникова и А.Г. Попова).

Зато в плане описания связей различных казачьих групп тексты донских авторов середины XIX в., наконец, становятся относительно единообразны. Наиболее тесно в них донские казаки неизменно связываются с запорожскими и/или «малороссийскими». Чаще всего данная связь соотносится с контактами донских и запорожских казаков в XVII в., но это не обязательно: так, у М.Х. Сениюткина она выражается в акцентировании внимания на сходстве историй донских и «малороссийских» казаков. В то же время отдельные указания на общность происхождения донских и запорожских/«малороссийских» казаков у донских авторов середины XIX в. встречаются, но не являются обязательными. Напротив, терские и яицкие казаки в этот период уже систематически рассматриваются донскими авторами как родственные донским казакам по крови (обычно упоминается их происхождение от донских казаков в XVI в., но, например, А.М. Савельев просто называет их «собратьями» донцов). Но реальных случаев взаимодействия между ними обычно не приводится. Сравнительно недавно возникшие же казачьи войска (например, Оренбургское или Кавказское линейное) вообще не фиксируются на страницах разобранных нами работ.

5. Заключение

Хотя окончательные выводы будут сделаны нами в конце второй части нашей статьи, мы уже можем прийти к нескольким. Прежде всего, мы можем констатировать, что тематика казачества в целом, некоего единства всех казачьих сообществ была совершенно нетипична для донского дореволюционного историописания в течение большей части его существования. В разобранный нами период, до 1880-ых гг., только В.М. Пудавов уделял существенное внимание единству казачества как «сословности», причем он трактовал понятие сословия совершенно оригинальным образом и его идеи не получили развития у других авторов.

В рамках же типичной для донских дореволюционных авторов логики историописания акцент делался исключительно на донском казачестве, а другие казачьи сообщества описывались только в том случае, если прямо контактировали с донскими казаками. Как правило, подобные контакты не описывались подробно (хотя В.Д. Сухоруков и В.М. Пудавов составляют тут исключение), но и не отрицались. Более того, если в первой трети XIX в. описания подобных контактов у различных авторов существенно отличались (вплоть до варианта А.Г. Попова, у которого запорожские казаки стояли в одном ряду негативно описываемых общностей с татарами и турками), то с середины XIX в. общепринятым становится вариант фактической канвы описаний контактов донских казаков с другими группами, предложенный В.Д. Сухоруковым. В его рамках наиболее близкой к донским казакам группой объявлялись запорожские или «малороссийские» казаки. Несколько реже фиксировалось происхождение в XVI в. Терского и Яицкого войск от Войска Донского. Остальные казачьи войска на страницах упоминались эпизодически, и какого-либо серьезного значения контактам с ними не придавалось. Именно подобный подход к описанию контактов донских казаков с другими казачьими группами можно считать каноническим для донского дореволюционного историописания.

Литература

- Богачев, 1919** – Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 523 с.
- Венков, Матвеева, 2024** – Венков А.В., Матвеева Н.С. Актуальные проблемы казачеведения: новые сюжеты, подходы, источники / *Казачество на страже рубежей Отечества: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 215-летию генерал-лейтенанта Я.П. Бакланова (Новочеркасск, 6–7 июня)*. М., 2024. С. 19–24.
- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) / *Историческое сознание и власть в зеркале России XX века*. СПб., 2006. С. 115–125.
- Волвенко, Саркисян, 2024** – Волвенко А.А., Саркисян А.Г. Казачеведческие исследования в контексте этнокультурного наследия Юга России: значение, возможности и перспективы / *Этноконфессиональный диалог как основа сотрудничества в области межрелигиозных и межэтнических отношений. Сборник трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 2024. С. 126–131.
- Кательников, 1886** – Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. 63 с.
- Королев, 1991** – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1862** – Краснов И.И. О народности в Донском войске // *Военный сборник*. 1862. № 4. С. 343–356.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1877** – Краснов Н.И. Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России // *Военный сборник*. 1877. № 12. С. 264–301.
- Краснов, 1882** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 3. С. 115–137.
- Мининков, 2010** – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // *Терминология исторической науки. Историописание*. М., 2010. С. 266–285.
- Мининков, 2011** – Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, 2011. 170 с.
- Попов, 1816** – Попов А.Г. История о Донском войске. Ч. 2. Харьков, 1816. 295 с.
- Пудавов, 1890** – Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. 328 с.
- Пудавов, 1898** – Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 2. Вып. 1. Новочеркасск, 1898. 124 с.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о Донских Казаках. М., 1846. 165 с.
- Савельев, 1870** – Савельев А.М. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870. 124 с.

- Сенюткин, 1866a – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 1. М., 1866. 180 с.
 Сенюткин, 1866b – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
 Стегленко, 2016 – Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и Войска Донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1 (189). С. 66-69.
 Стегленко, 2021 – Стегленко Е.В. Личность М.И. Платова в оценке Е.П. Савельева // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021. № 1. С. 84-89.
 Сухоруков, 1867 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867. 328 с.
 Сухоруков, 1872 – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Т. II. Новочеркасск, 1872. 598 с.
 Сухоруков, 1891 – Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.
 Шалак, 2023 – Шалак М.Е. Взаимоотношения ногайцев и донских казаков накануне ногайского восстания 1783 г. в оценках донского историка М.Х. Сенюткина // *Краеведческие записки*. Вып. 15. Ростов-на-Дону, 2023. С. 5-14.
 Юрченко, 2013 – Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013. 455 с.
 Krinko, 2023 – Krinko E.V. The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 125-136.
 Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- Bogachev, 1919 – Bogachev, V.V. (1919). Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo [Essays of geography of the Almighty Don Host]. Novocherkassk. 523 p. [in Russian]
 Katel'nikov, 1886 – Katel'nikov, E.N. (1886). Istoricheskoe svedenie Voiska Donskogo o Verkhne-Kurmoyarskoi stanitse, sostavlennoe iz skazanii starozhilov i sobstvennykh primechanii 1818 goda dekabrya 31 dnya [The Don Host's historical information about the Verkhne-Kurmoyarskaya stanitsa compiled from the legends of old-timers and own notes in the year 1818 on the 31st day of December]. Novocherkassk, 63 p. [in Russian]
 Korolev, 1991 – Korolev, V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don, 464 p. [in Russian]
 Krasnov, 1862 – Krasnov, I.I. (1862). O narodnosti v Donskom voiske [About nationality in the Don host]. *Voennyi sbornik*. 4: 343-356. [in Russian]
 Krasnov, 1863 – Krasnov, N.I. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb., 596 p. [in Russian]
 Krasnov, 1877 – Krasnov, N.I. (1877). Narodonaselenie i territoriya kazakov Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii [Population and territory of the Cossacks of the European and Asian Russia]. *Voennyi sbornik*. 12: 264-301. [in Russian]
 Krasnov, 1882 – Krasnov, N.I. (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical essays of the Don. The quelling of Bulavin Rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 3: 115-137. [in Russian]
 Krinko, 2023 – Krinko, E.V. (2023). The Issues of the Origin of the Cossacks in the Don Historiography of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 18(1): 125-136.
 Mininkov, 2010 – Mininkov, N.A. (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [Practices of history-describing and the genesis of historical science in the culture of Don of the first half of the 19th century]. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*, M. Pp. 266-285. [in Russian]
 Mininkov, 2011 – Mininkov, N.A. (2011). Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov [The Don historian Evlampii Nikiforovich Katel'nikov]. Rostov-on-Don, 170 p. [in Russian]
 Popov, 1816 – Popov, A.G. (1816). Istoriya o Donskom voiske. Ch. 2 [The history about the Don Host. Part 2]. Kharkiv, 295 p. [in Russian]
 Pudavov, 1890 – Pudavov, V.M. (1890). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva [History of the Don Host and the antiquity of the origins of the Cossacks]. Novocherkassk, 328 p. [in Russian]
 Pudavov, 1898 – Pudavov, V.M. (1898). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva. Ch. 2. Vyp. 1 [History of the Don Host and the antiquity of the origins of the Cossacks. Part 2. Is. 1]. Novocherkassk, 124 p. [in Russian]
 Rigel'man, 1846 – Rigel'man, A.I. (1846) Istoriya ili povestvovanie o Donskikh Kazakakh [A history or a narration about the Don Cossacks]. M., 165 p. [in Russian]

- [Savel'ev, 1870](#) – *Savel'ev, A.M.* (1870). Trekhstotletie Voiska Donskogo [Tercentenary of the Don Host]. SPb., 124 p. [in Russian]
- [Senyutkin, 1866a](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1866). Dontsy. Ch. 1 [The Don Cossacks. Pt. 1]. M. 180 p. [in Russian]
- [Senyutkin, 1866b](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1866). Dontsy. Ch. 2 [The Don Cossacks. Pt. 2]. M. 282 p. [in Russian]
- [Shalak, 2023](#) – *Shalak, M.E.* (2023). Vzaimootnosheniya nogaitsev i donskikh kazakov nakanune nogaiskogo vosstaniya 1783 g. v otsenkakh donskogo istorika M.Kh. Senyutkina [Relationships between the Nogais and the Don Cossacks on the eve of Nogai Uprising of 1783 in the assessments of the Don historian M.Kh. Senyutkin]. *Kraevedcheskie zapiski*. Vyp. 15. Rostov-on-Don. Pp. 5-14. [in Russian]
- [Steglenko, 2016](#) – *Steglenko, E.V.* (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i Voiska Donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savel'ev about interactions between Russian authorities and the Don Host and incorporation of Cossackdom into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]
- [Steglenko, 2021](#) – *Steglenko, E.V.* (2021). Lichnost' M.I. Platova v otsenke E.P. Savel'eva [M.I. Platov's personality in the evaluation of E.P. Savelyev]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 84-89. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1867](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1867). Istoricheskoe opisanie Zemli voiska Donskogo. T. I [Historical description of the Land of the Don Host. Vol. I]. Novochoerkassk, 328 p. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1872](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1872). Istoricheskoe opisanie Zemli voiska Donskogo. T. II [Historical description of the Land of the Don Host. Vol. II]. Novochoerkassk, 598 p. [in Russian]
- [Sukhorukov, 1891](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822–1832 godakh [Statistical description of the Land of the Don Cossacks composed in the years 1822–1832]. Novochoerkassk. 302 p. [in Russian]
- [Venkov, Matveeva, 2024](#) – *Venkov, A.V., Matveeva, N.S.* (2024). Aktual'nye problemy kazakovedeniya: novye syuzhety, podkhody, istochniki [Current problems of Cossack studies: new topics, approaches, and sources]. *Kazachestvo na strazhe rubezhei Otechestva: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennaya 215-letiyu general-leitenanta Ya.P. Baklanova (Novochoerkassk, 6–7 iyunya)*. Pp. 19-24. [in Russian]
- [Volvenko, 2006](#) – *Volvenko, A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [About the want to write the history for the Don Cossacks... An official order, a historian and the local administration]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*, Saint-Petersburg. Pp. 115-125. [in Russian]
- [Volvenko, 2015](#) – *Volvenko, A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. 14(2): 94-107.
- [Volvenko, Sargsyan, 2024](#) – *Volvenko, A.A., Sargsyan, A.G.* (2024). Kazakovedcheskie issledovaniya v kontekste etnokul'turnogo naslediya Yuga Rossii: znachenie, vozmozhnosti i perspektivy [Cossack studies in the context of the ethnocultural heritage of Southern Russia: significance, opportunities and prospects]. *Ehtnokonfessional'nyi dialog kak osnova sotrudnichestva v oblasti mezhreligioznykh i mezhehtnicheskikh otnoshenii. Sbornik trudov Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Rostov-on-Don. Pp. 126-131. [in Russian]
- [Yurchenko, 2013](#) – *Yurchenko, I.Yu.* (2013). Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoi i emigrantskoi istoriografii XV–XX stoletii: Istoriografiya kazachestva. Kn. 1 [History of study of the Cossacks in home and emigrant historiography of the 15th–20th centuries: Historiography of Cossackdom. Book 1]. M. 455 p. [in Russian]

Описания донскими дореволюционными авторами в исторических сочинениях казаков других казачьих войск. Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени специально не анализировалось, как донские дореволюционные авторы описывали казаков других казачьих войск. В статье предпринята попытка подобного анализа. На основании наиболее обобщающих работ донских авторов по истории Войска Донского показано, что для донского историописания тема единства казачества и исторических связей различных казачьих войск была абсолютно периферийной. При этом чаще всего упоминались

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

контакты донских и запорожских казаков в XVI–XVII вв., однако они не подчеркивались специально. Исключение составляет творчество В.М. Пудавова и Е.П. Савельева, для которых была важна тема единства казачества.

В первой части статьи разобраны тексты донских авторов до 1880-х гг. Показано, что первоначально какие-либо распространенные общие особенности описаний казаков других казачьих войск в творчестве донских авторов отсутствовали (вплоть до того, что А.Г. Попов ставил запорожских казаков в один ряд с турками и татарами). Однако В.Д. Сухоруков с 1820-х гг. задал общую фактическую канву подобных описаний у позднейших авторов: начиная с его творчества, в них обычно делался акцент на связях донских и запорожских казаков. При этом в рассмотренный период авторы обычно не рефлексировали над понятием «казачество», за исключением В.Д. Сухорукова (считавшего, что казаками называли представителей различных групп, между которыми не было какой-либо общности) и В.М. Пудавова (считавшего, что казаки объединены происхождением от скифов и трансцендентной миссией хранить православие на Востоке Европы).

Ключевые слова: казачество, донское казачество, запорожское казачество, историописание, В.Д. Сухоруков, В.М. Пудавов.